

ПРЕДАНИЯ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

КАКТО довелось мне уж в который раз побывать в Ясной Поляне. Приехал просто пройтись по тропинкам, по комнатам. Увидеть опрятный холмик земли, крытый теплым, зеленым дерном, — последнее пристанище великого человека. Но мне посчастливилось. Просто посещение усадьбы-музея обернулось так запомнившейся встречей с человеком, которому было дано жить рядом со Львом Николаевичем Толстым.

Ивану Осиповичу Шураеву при нашей встрече было уже 79 лет. Пышная белая борода, красивый расчес полных волос. Большие, потрудившиеся на своем веку руки. И удивительно чистая, выразительная речь.

Сначала его мальком отдали в услужение к сыну Льва Николаевича, Андрею Львовичу. Сын писателя оказался крутым человеком. Убежал Ваня от него из Топтыкова домой, в Ясную Поляну. А дома тоже досталось за это, и вернули его обратно. Опять убежал. Опять дома попало, только уже не ремнем, а хворостинкой. Снова вернули. Снова убежал. Тогда мать пошла к Софье Андреевне, и та взяла мальчишку в яснополянский дом. Мать предупредила: «Увидишь графа, говори ему — ваше сиятельство».

— Ну я три дня все с ним так здоровался. А на третий он мне говорит: «Тебя как зовут?» — «Ваня». — «А меня Лев Николаевич. Давай так и договоримся: я тебя — Ваня, а ты меня — Лев Николаевич». С тех пор мы с ним друзья. Я ему — Лев Николаевич. А он мне — Ваня. Очень был уважительный Лев Николаевич. Как-то к нему англичанин приехал на большой черной машине. О чем-то они поговорили. Лев Николаевич мне говорит: «Вот, Ваня, прокатиться мне предлагает. За 30 минут из Тулы от гостиницы Чайкина доехал».

Тут уж я не утерпел.

— Иван Осипович, мы на «Волге» за 30 минут от Тулы доехали.

Улыбка прячется в густой бороде. Он наклоняется ко мне и доверительно шепчет:

— Да уж англичанин пригласил. Ну, я говорю Льву Николаевичу — и я с вами. Нет, Ваня, говорит, сам попроси. Да лучше вы, Лев Николаевич, скажите — прокатите этого мальчишку. Он ничего мне не ответил. Но не попросил. Видно, поскромничал. Да и сам, правда, не поехал. Только еще мне сказал: «Если моего отца сейчас бы подняли, он бы сказал — нечистая сила пришла».

А один раз обманул Ваня Льва Николаевича.

— Лев Николаевич каждое утро, как закон, на прогулку в урочище Чепыж ходил. Недалеко. А у нас две собаки были. Сибирская Белка и одна посторонняя. Они всегда Льва Николаевича караулили. И ему, бегут впереди, трюки свои показывают. Вернулся он как-то с прогулки и говорит: «Вот, Ваня, собаки в Чепыже барсука напали. Ты не убей его, дай слово». Я дал. Пошел посмотреть. Я барсуков никогда не видал. Знал только — есть на свете. А у барсуков от природы зловоние — от врагов отбиваться. А тут он на меня еще кинулся. Я прутот отмахнулся и попал по мягкому носу. Он и умер. Что ж теперь делать? Такому человеку слово дал. Так подло соврал. Закалал барсука в овраге, дело весной было, зеленая распустилась. Лев Николаевич меня потом не спросил, и я не признался. Совесть перед ним убивала. Он ведь никогда худого не сделает, худого слова не скажет.

Как-то нужно было младшего, Михаила Львовича, к поезду разбудить. А он разоспался, никак не встает. Мне второй сын говорит: плескани на него воды. Я, недолго думая, плесканул. Он как вскочит да по всему дому за мной. Я наверх. Спасибо, Лев Николаевич на прогулку спустился. Благодаря встрече со Львом Николаевичем я избежал лупки.

Иван Осипович с удовольствием рассказывает о деликатности, незлобivosti Льва Николаевича.

— Однажды он отправился на Горелую поляну. А мне говорит: «Ваня, пусть за мной часам к четырем на Горелую поляну приедут». Пошел я к кучеру, рыжему Полюну. А они вечно пьяные, кучера, у них гечный доход. Поезд за номером девять Москва — Курск проходил. То гостя привези, то ответи. Все на чай дают. Вот рыжий Ларион, видно, и получил. Спит. Я говорю: «Ты не проспай, Ларион». Смотрю, часов около пяти идет Лев Николаевич, утомленный, усталый. «Ваня, говорил кучерам?» — «Гово-

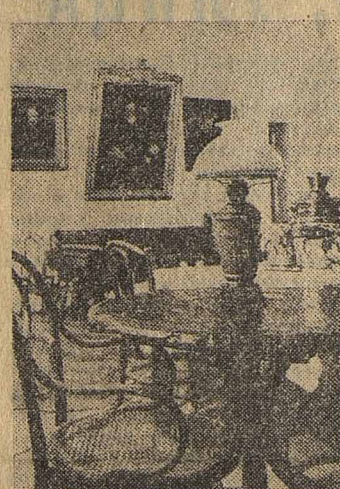
рил». — «Не выехали?» — «Не выехали». Ничего не сказал. Потом я обеденный стол накрыл, приборы все расставил. В колокол к обеду прозвонили. Он, бедный, в дерево врос. Я там, возле дерева, давно не был ввиду своей нынешней неподвижности. За столом меня Лев Николаевич спрашивает: «Приехал Ларион?» — «Приехал». — «Скажи ему, когда вздумает кататься, пусть меня предупредит, чтобы я на него не надеялся...». Видно, во Льве Николаевиче все же гордость заговорила...

Иван Осипович о чем-то задумался. А потом ну хохотать. Да так, что в карман за платком полез — слезы вытереть.

— О чем вы, Иван Осипович?

— Да все этот Мечников с его простоквашей. Каждое утро я ему простоквашу приносил. А он меня все уговаривал, что самое это полезное дело для здоровья.

Трудно все-таки обыкновенному человеческому уху воспринимать «этот Мечников с его простоквашей». Иван Осипович вспоминает много интересного, подчас забавного, о великих людях. Вспоминает без фальшивой фамильярности, с достоинством, уважительно. Кое-что, думаю, из устоявшихся, уже хрестоматийных источников — дочь у него была заученной местной школы, интеллигентный человек. Но все-таки одно дело — из книги вычи-

тать, другое — от очевидца услышать. А знал он действительно многих. Дочь его рассказывает. Купили они книгу А. Ф. Кони. А он открыл ее, увидел фотопортрет и говорит: «Вот те на, это ж Кони». Вспоминает, например, «из музыкального мира — Гольденвейзер, Таневер, Трояновский».

— Был с Трояновским такой случай. Вот имени его не помню. Балалайка у него была необычная, большая. Три струны — стальная, из жилы и толстая, витая. Сыграл он Льву Николаевичу на балалайке классические произведения. Лев Николаевич его попросил какую-нибудь русскую песню. А он не упомнит. Лев Николаевич мне говорит: «Вот вы с Васей на Троицу шли, какую-то песню хорошую пели». Сбежал я в деревню, привел Васю Фоканова с гармонью. Долго он играл, много русских песен перебрал. Наконец попал на «Выйду ль я на реченьку». Лев Николаевич аж в ладоши хлопнул, весь воодушевился. Ну, Трояновский ее тут же на балалайке исполнил...

А потом разговор пришел к самому страшному. Рассказывая, Иван Осипович не сдерживался, и приходилось прерывать беседу. Не стану кивать на восьмидесятилетний возраст. Чувствуется, что не прошла боль, что бережно хранит он в себе Льва Николаевича.

— В курсе были только доктор Душан Петрович Макавицкий и Феокритова Варвара Михайловна. Плохая женщина. Язычица — все сплетничала. Комнатушка моя была у самых дверей. Ночью приходит Душан Петрович: «Утром, Ваня, что услышишь, из комнаты не выходи. Мы утром рано со Львом Николаевичем уедем. Далеко ли? Сам не знаю...» Слышу, утром дверь скрипнула. Темно. Холодно. Я встал, оделся, приготовился. Опять дверь скрипнула. Потом слышу: «Я шапку потерял». А мы обычно ходили к конюшням на черный двор тропинкой через сад. Так ближе. Вот и Лев Николаевич так пошел и в кустах шапку потерял.

Софья Андреевна поздно к утреннему чаю встала — к 12 часам вышла в залу. А утренний чай у нас не по приборам. Общая стола тарелок, ложек. Каждый себе берет. И еду тоже: кто хочет — мясное, кто хочет — вегетарианское. Два меню готовились. Лев Николаевич у нас ни мяса, ни рыбы не ел. Исключительно грибное, овощное, мучное.

Софья Андреевна каждый раз в 12 часов заходила в кабинет ко Льву Николаевичу.

чу поздороваться и к чаю идти. Заходит в 12 часов на цыпочках в кабинет, а в данном случае его нету. «Ваня, ты не видел Льва Николаевича?» — «Не видел...». «А! Он уехал! Я не могу без него! Я утоплюсь!..» Ну, думаю, беги. Смотрю, впрямь побегла. Мы бежать за ней. Она на помосте поскользнулась, упала. Плечами шевелит, шевелит. К краю помоста ползет. И ноги в воду. Я ее ухватил за платье.

А тут Булгаков подбежал. Повели ее. Она переоделась. Холодно было, 25 октября по старым числам. И у меня рубаха мокрая. Она плачет, рыдает: «Ваня, милый, поезжай, найди Льва Николаевича». Дала мне 25 рублей, заложили шарабан. Поехал я на станцию в Ясенки. У дежурного станции спрашиваю: «Льва Николаевича не видал?» — «Льва Николаевича не видал. Душан Петрович видал. Он билеты брал до Козельска...». Ну, я понял, что, значит, поехал он к сестре, Марии Николаевне, в Шамардинский монастырь. И вернулся я домой. Душан Петрович потом предполагал, что Лев Николаевич к другу своему хотел поехать — крестьянину Новикову. Кажется, Михаилу Петровичу. Утвердительно боюсь сказать.

О похоронах Иван Осипович рассказывал очень отрывочно. Трудно ему было говорить.

— В доме моего отца много крестьян набилось. Все думали, как лучше слова ему написать. А у отца остановились известный юрист Плевако и еще один, тоже известный, фамилию забыл. Они и помогли написать. Крестьяне вырезали из черной материи буквы и пришили их на белый холст. И так на двух шестиках понесли: «Лев Николаевич, память о твоём добре не умрет в сердцах опоздавших крестьян Ясной Поляны».

На похоронах было войско, полиция. При опускании гроба в могилу запели «вечную память». Кто-то из студентов крикнул: «На колени, папки долдой!» Все, не считая, что грязь, опустились. А какой-то пристав пробрался близко к могиле. И один остался стоять. Крикнули — посадить истукана. Студент его за полу дернул. Но он не опустился. Так и торчал. Только от могилы отошел.

И еще один случай тронул меня до глубины чувства. Женщина немолодая подошла к самой могиле, встала на колени и сказала: «Лев Николаевич, я принесла тебе поклон земной, душу, сотканную твоим учением».

Долго мы потом молчали. Перевели разговор на шутку, чтобы дать успокоиться Ивану Осиповичу:

— А много небылиц про Льва Николаевича рассказывают?

Иван Осипович засмеялся и даже всплеснул руками. Казусов, действительно, немало. Например, одна старушка пришла в Ясную Поляну и заявила, что она и есть Катюша Маслова, что с нее Лев Николаевич писал. И бабуся охотно отобразила всю свою грешную биографию. Причем без малейшего отклонения от сюжета «Воскресения». То ли гордыня к славе потянула, то ли понадеялась на увеличение пенсии за грехопадение в невыносимых условиях царского режима. В общем, слухов немало. Тем дороже каждое слово человека, которому посчастливилось жить рядом с Толстым.

Потом мы решили сфотографировать Ивана Осиповича. Он долго расчесывал бороду, выбрал куст, около которого изготовился. Вдруг спросил у моего спутника:

— А вот с вами товарищ тот раз приезжал. Забыл, как звать.

— Леонид Андрианович.

— То-то я помню, что-то вроде Леонид Андреев.

У каждого свои ассоциации.

Я распрощался и побрел по аллеям Ясной Поляны. Мимо притихших стаяк пионеров. Мимо задумчивых немолодых женщин на скамейках. Мимо холмика под зеленым дерном.

Помнят люди Льва Николаевича.

Сзади меня в аллее один мальчишка сказал другому:

— Ведь чего Лев Николаевич не дожид до революции? Жалко.

Я обернулся и улыбнулся. А пионер строго нахмурился. Жалко ему.

Э. ГРАФОВ,
ЯСНАЯ ПОЛЯНА.

«Уголок молодежи» в зале (Ясная Поляна).